

Welfare State at Risk. Rising Inequality in Europe (ed. by D. Eißel, E. Rokicka, J. Leaman). 2014. Cham, Heidelberg, New York, Dordrecht, London: Springer. 236 p.

LYUBLINSKIY Victor Victorovich, Dr.Sci. (Pol.Sci.), Chief Researcher, Head of the Department of Comparative Analysis of Social Policy, Institute of Sociology, RAS (bld. 5, 24/35 Krzhizhanovskogo St, Moscow, Russia, 117218; lyubl.victor@yandex.ru)

THE WELFARE STATE: A DIFFICULT ADAPTATION TO THE CHANGING WORLD ORDER

Abstract. The transformations taking place in the world within the last decades increasingly affect the state in major spheres of its social activities. Welfare state becomes the center of the contradictions between national interests, political practices and global factors, as well as the activities of international institutions. Social function of the state is weakening, the need for it is being challenged, and many social achievements have been put into question. At the same time, social problems become more acute and increasingly acquire a political character. However, a significant part of the political class, as well as a significant part of the society, is still far from realizing the consequences of ongoing social reforms. The process of transformation of the world social order and associated increase of conflict potential actualize the problem of the development of the welfare state in Russia, capable to provide a high level of social cohesion, which is extremely important in the face of current and future challenges.

Keywords: welfare state, reforms, world order, social policy, democracy, social responsibility, power, wealth, social consolidation

ЖВИТИАШВИЛИ Анатолий Шалвович — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела социальной структуры Института социологии РАН (117218, Россия, г. Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5; zhvitiashvili-a@mail.ru)

СОВРЕМЕННЫЕ ИНСТИТУТЫ ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЯ: ЗАПАДНЫЙ ОПЫТ

Аннотация. В статье рассматриваются современные институты перераспределения, распространенные в западных странах. Выделяются государственные и негосударственные институты перераспределения. Государственные институты рассматриваются в рамках государства благосостояния. Разные типы государства благосостояния осуществляют разные стратегии перераспределения, которые допускают разные уровни социального неравенства. Негосударственные институты перераспределения представлены планом акционерной собственности наемных работников (ESOP), опционной системой и проектом Всемирной сети базового дохода. Западный опыт перераспределения может быть полезен для современной России, где проблема социального неравенства стоит крайне остро.

Ключевые слова: социальное равенство, социальное неравенство, государственные и негосударственные институты перераспределения

Постановка проблемы

Проблема социального неравенства — одна из ключевых проблем общества. На Западе ее поднимает новый технологический переход, сопровождающийся кризисом институциональной системы индустриальной эпохи. В России острота социального неравенства не спадает с тех пор, как в жизнь страны вошли частная собственность, рынок и идеология потребления. По оценкам исследователей, в современной России на долю 1% ее граждан приходится 71% всех активов домо-

хозяйств. (В США этот показатель составляет 37%, в Европе – 32%, в Японии – 17% [Шкаратан 2015: 89].) Несмотря на то что уровень распределения богатства разнится от страны к стране, сама проблема остается в повестке дня каждой из них. Но здесь возникают непростые вопросы. Что следует понимать под социальным равенством? Исключает ли оно социальное неравенство? Насколько согласуется социальное равенство с экономическим развитием и техническим прогрессом?

Итак, что следует понимать под социальным равенством? Исторический опыт показывает, что константой остается сам запрос на социальное равенство, тогда как его трактовка меняется от эпохи к эпохе. Если сначала доминировали уравнивательные представления, то впоследствии понимание социального равенства усложнилось. К. Маркс, отвергнув идеалы уравнительного коммунизма с его равенством имущества и потребительских практик, поставил решение проблемы на более твердую почву. Для него социальное равенство означало преодоление частной формы присвоения результатов коллективного труда на основе обобществления средств производства. При этом он допускал сохранение при социализме «узкого горизонта буржуазного права» как институционального источника социального неравенства вне сферы отношений собственности. Заметим, что предложенный марксизмом механизм распределения социальных благ (от каждого – по способностям, каждому – по труду) носил меритократический характер. Либерализм легитимировал меритократическое понимание социального равенства, сочетающее равенство шансов с неравным вознаграждением заслуг индивидов. Отмечая слабые стороны меритократии, Д. Белл писал: «...сегодня этот принцип превращается в новый источник неравенства... Никогда не может существовать чистой меритократии, ибо обладающие высоким статусом родители неизбежно будут пытаться передать детям свои позиции <...> таким образом, уже через одно поколение меритократия превратится в замкнутый привилегированный класс» [Белл 1999: 573].

Под социальным равенством условимся понимать такой институциональный процесс, который сдерживает рост социальных различий и снижение жизненного уровня индивидов. Такой процесс препятствует превращению социального неравенства в фактор поляризации общества, угрожающей его стабильности.

Отсюда вытекает отрицательный ответ на другой поставленный выше вопрос: исключает ли социальное равенство социальное неравенство? Они образуют диалектическую пару неразрывно взаимосвязанных между собой противоположностей. Парадокс этой диалектической взаимосвязи проявляется в том, что реализация идей равенства порождает неравенство. Так, советский опыт построения общества равных неотделим от прямого статусного распределения, где уровень потребления зависит от высоты социального статуса. Еще П.А. Сорокин отмечал неосуществимость идеала общества всеобщего равенства, в котором нет стратификации, стимулов к труду и развитию.

Насколько согласуется социальное равенство с экономическим развитием и техническим прогрессом? На наш взгляд, между этими переменными нет жесткой корреляции. Пример Скандинавских стран свидетельствует о том, что движение к большему социальному равенству может быть совместимо с развитием экономики и технологий. Но есть случаи, когда складываются «негативные отношения между экономическим ростом и равенством доходов», в рамках которых «высокий уровень роста» «меняет распределение доходов в пользу высокодоходных групп и в ущерб низкодоходным группам» [Huntington 1996: 472]. Например, в таких быстро развивающихся странах, как Китай и Бразилия, индекс Джини составляет 44,0 и 58,0 соответственно, что указывает на глубокое социальное расслоение в этих странах [Нуреев 2009: 19].

В палитре институтов перераспределения, распространенных в современных западных обществах, выделяются как государственные, так и негосударственные институты. Рассмотрим их.

Государственные институты перераспределения.

Их представляет государство всеобщего благосостояния. Оно возникло не на пустом месте. Его отдаленным предшественником можно считать спинхемлендскую систему, которая зародилась в Великобритании и просуществовала с 1795 по 1834 г. [Поланьи 2002: 92-93]. Это был первый опыт перераспределения социальных благ в условиях ранней индустриализации. Согласно закону Спинхемленда, в дополнение к заработной плате бедным предоставлялись денежные пособия, чтобы обеспечить их минимальным доходом независимо от уровня заработной платы. Кроме того, выплачивались пособия на каждого члена семьи нуждающегося работника. Институциональные практики спинхемлендской системы (предоставление гарантированного минимального дохода и пособий на семью независимо от уровня доходов социально уязвимых слоев) стали частью практик государства благосостояния по сглаживанию экономических различий между социальными группами.

Государству всеобщего благосостояния, вышедшему из кейнсианской модели экономики, присущ следующий ряд признаков: регулирование частного предпринимательства, сосредоточение части активов в руках государства, государственное участие в социально-трудовых отношениях, система социальной защиты наемных работников.

Исследователи выделяют четыре типа государства всеобщего благосостояния: социал-демократический (Скандинавские страны), либеральный (Великобритания), корпоративистский (Германия, Франция) и южноевропейский (страны Южной Европы) [Уилан, Мэтр 2011: 201-202]. Социал-демократический и либеральный типы образуют два полюса в решении проблем социального неравенства. В социал-демократическом типе последовательно осуществлен универсалистский принцип перераспределения благ, предусматривающий социальную помощь только в зависимости от наличия гражданства, а не от степени нуждаемости или размера сделанных работником отчислений. Ключевую роль в системе социальной защиты индивидов играет государство, гарантирующее ее независимо от состояния рынка труда и поддержки семьи. В Скандинавских странах самый низкий коэффициент Джини (25,0–27,0) среди западных стран [Григорьев, Салмина 2013]. В либеральном типе поддержание гибкости рынка труда сочетается с избирательными мерами социальной защиты (наличие определенных условий выплаты пособий). Государство субсидирует только низкооплачиваемые категории работников. В отличие от социал-демократического типа, в либеральном типе социальная поддержка адресована бедным слоям, но при этом не ставится цель радикального преодоления социального неравенства. В Великобритании едва ли не самый высокий среди стран Западной Европы коэффициент Джини (36,0).

В корпоративистском типе доминирует горизонтальное перераспределение социальных благ в форме системы социального страхования, построенной на отчислениях работодателей и работников. От объема отчислений зависит размер социальных выплат участвующим в социальных накопительных программах.

В южноевропейском типе социальная помощь оказывается семье в том случае, если она не может содержать одного из своих членов. В рассматриваемом типе государства благосостояния уровень социального обеспечения ниже, чем в социал-демократическом и корпоративистском типах, а коэффициент Джини

выше (в Испании он доходит до 35,0, тогда как в Германии и Франции он составляет 28,0 и 33,0 соответственно).

Указанные типы государства благосостояния отличаются местом государства в системе распределительных отношений, уровнем, по выражению Г. Эспинг-Андерсена, «декоммодификации», т.е. уровнем нерыночного распределения благ, а также коэффициентом Джини. У. Корпи и Дж. Пальме, анализируя институты социального страхования западных стран, сформулировали «парадокс перераспределения», согласно которому «чем больше мы оказываем адресную помощь только бедным и чем больше мы заботимся о достижении равенства с помощью равного распределения общественных трансфертов, тем менее вероятно, что мы справимся с бедностью и неравенством» [Korpi, Palme 1998]. Причины бедности не сводятся к недостаткам политики перераспределения. Но сбалансированная социальная политика помогает сократить бедность в обществе.

В последнее время в связи с ростом прекаризованной (неустойчивой, атипичной) занятости ряд западных стран (прежде всего, Дания и страны Бенилюкса) приняли новую стратегию трудоустройства в форме политики флексикьюрити (термин образован от англ. слов *flexibility* – гибкость и *security* – защита). Впервые апробированная в Дании в конце XX в., она включает заключение гибких трудовых соглашений между предпринимателями и наемными работниками; осуществление стратегии обучения наемных работников в течение их жизни для повышения адаптации к постоянно меняющейся ситуации на рынке труда; поддержание современной системы социальной защиты, обеспечивающей сохранение дохода наемного работника при изменении его положения в системе занятости. Авторы политики флексикьюрити по-новому расставляют акценты в понимании социальной защиты. По словам бывшего премьер-министра Дании А.Ф. Расмуссена, «в прежние времена, вероятно, сказали бы, что социальная защищенность на рынке труда – это хорошая, постоянная работа с заблаговременным предупреждением в случае увольнения. Но на рынке труда будущего социальная защищенность будет означать способность адаптироваться к новым ситуациям» [Рынок труда... 2011: 157]. Хотя не все страны ЕС позитивно встретили политику флексикьюрити, она имеет некоторый потенциал для своей реализации. По данным Еврокомиссии, 76% респондентов согласны с тем, что пожизненная работа у одного предпринимателя отошла в прошлое; 72% считают, что трудовые контракты должны быть гибкими для стимулирования создания рабочих мест; 88% полагают, что регулярное обучение облегчает возможность трудоустройства [Рынок труда... 2011: 163].

Рассмотренные типы государства благосостояния используют разные стратегии борьбы с социальным неравенством. Наиболее результативен редистрибутивный опыт Скандинавских стран, где «только небольшая доля общественных богатств напрямую потребляется классом собственников. Вот почему эти общества нельзя рассматривать как эксплуататорские в прямом смысле этого слова» [Кивинен 2004: 163].

Негосударственные институты перераспределения

Эволюция системы трудовых отношений на Западе определялась борьбой наемных работников за перераспределение денежных (повышение заработной платы) и властных (расширение прав на производстве) ресурсов.

В цепи этой эволюции особое место занимает практика передачи трудящимся части акционерного капитала компаний, названная Планом акционерной собственности наемных работников (*Employee Stock Ownership Plan – ESOP*). В соответствии с этим Планом компании создают трастовый фонд, в который помещаются акции, купленные за наличные или на заемные средства. Затем акции

перечисляются на счета работников. Важные особенности Плана акционерной собственности наемных работников состоят в том, что они получают акции бесплатно, имеют равный голос на собраниях акционеров, освобождаются от уплаты налогов и не подвергаются дискриминации. Еще одной специфической чертой *ESOP* является фактический запрет на использование работниками своих акций в период работы в компании. Только с уходом из корпорации или с выходом на пенсию работники могут свободно распоряжаться своими акциями. Хотя наемные работники получают акции безвозмездно, они могут приобрести только то число акций, которое определяется размером их заработной платы.

Возникнув в США, практика *ESOP* распространилась на другие западные страны. На сегодняшний день в США планами акционерной собственности наемных работников охвачены около 14 млн чел., которые контролируют около 8% акций американских корпораций¹.

ESOP, построенный на близких к социалистическим принципах распределения ресурсов, ограничивает правила свободной игры рыночных сил и прививает наемным работникам навыки управления собственностью.

В информационной экономике сам факт собственности на средства производства уже не гарантирует их владельцам возможность занять более высокий социальный статус, чем статус тех, кто не владеет средствами производства. В то же время для достижения более высоких социальных позиций все большее значение приобретают неэкономические формы капитала (информационный, управленческий, культурный и др.). Для получения больших доходов теперь не обязательно обладать собственностью. Владельцы разных форм неэкономического капитала также способны разбогатеть и обрести высокий социальный статус в обществе. Не случайно звезды мира шоу-бизнеса или спорта являются обладателями дорогостоящей недвижимости, а их годовые доходы от продаж музыкальных альбомов, участия в спортивных состязаниях или в рекламных роликах нередко составляют миллионы долларов.

Повышению статуса не собственников способствует и требование роста эффективности функционирования компаний в условиях обострения мировой конкуренции. В целях повышения экономической эффективности компании вводятся новые механизмы мотивации труда наемных работников, прежде всего менеджеров. И раньше действовали программы участия сотрудников компаний в прибыли (в виде таких форм вознаграждения, как бонусы или акционирование сотрудников). Новым механизмом стимулирования труда наемных работников и обеспечения равенства (шансов) стали опционы на покупку акций. Как отмечают исследователи, опционы решают задачи участия менеджеров в собственности, прибыли и принятии решений корпораций, делая наемных работников полноправными акционерами компаний. В опционной системе наемный работник получает право на покупку акций по льготной цене. Если по окончании срока сделки акции подорожают, то он сможет заработать деньги на разнице в цене купленных акций. Опционная схема не только предполагает стимуляцию трудовой активности наемных работников, но и обеспечивает им возможность доступа к получению прибыли [Кренева 2006]. Формально не владея собственностью, наемные работники, особенно их верхний слой, становятся сособственниками компаний и получают, кроме зарплаты, прибыль, как и капиталисты. Наиболее развита опционная система в США. В 2015 г. в список 10 самых богатых *IT*-бизнесменов мира впервые вошел наемный работник, который сделал свое состояние на опционах. Им стал С. Балмер из компании Майкрософт. Его

¹ ESOP (Employee Stock Ownership Plan) Facts. — *National Center for Employee Ownership*. 2017. URL: <http://www.esop.org> (accessed 05. 05. 2017).

капитал составил 22,7 млрд долл.¹ В США на сегодняшний день в опционных планах участвуют около 9 млн наемных работников².

Опционная система размывает грань между «экономическим классом» М. Вебера и наемными работниками, открывая возможность для перераспределения ресурсов в интересах последних.

Прекаризованная занятость, о которой говорилось выше, породила новую социальную группу, называемую прекариатом. Его представители лишены гарантий рабочего места, профессиональной идентичности, не вовлечены в специфические отношения распределения (не могут рассчитывать на помощь государства, пенсии, пособия). Поэтому не удивительно, что, как отмечает Г. Стэндинг, «прекариат поддерживает движение к ...базовому доходу» [Standing 2011]. Дух этого движения выражает Всемирная сеть базового дохода (ВСБД), охватывающая многие страны мира. Базовый доход предусматривает удовлетворение не только материальных, но и культурных потребностей людей или, как говорит Г. Стэндинг, установление контроля над «качеством времени и пространства». Предлагаемая «привязывать пособие не к труду как таковому, а к гражданству», идеология ВСБД ставит возможность удовлетворения материальных и нематериальных потребностей в зависимости не от трудового вклада, а от обладания неэкономическим капиталом (в данном случае — гражданством). По сравнению с *ESOP* и опционной системой проект ВСБД менее популярен. Так, на проведенном в 2016 г. в Швейцарии референдуме большинство граждан проголосовали против получения базового дохода. Из европейских стран только Финляндия заявила о своей готовности выплачивать базовый доход своим гражданам. Пока не ясно, пойдет Европа по «швейцарскому» или «финскому» пути.

Заключение

Существующие институты перераспределения нацелены на решение стратегической задачи, стоящей перед любым обществом, — предупредить или ослабить социальную поляризацию. Большого социального равенства удастся достичь в рамках тех редистрибутивных практик, где используются нерыночные формы распределения ресурсов при контролируемом применении рыночных механизмов. Развитие негосударственных институтов перераспределения можно оценивать двояко — как дополнение к социальной политике государства благосостояния и одновременно как альтернативу ей. В первом случае эти институты помогают облегчить бремя социальной помощи, оказываемой государством. Во втором случае за ними стоят интересы тех сил гражданского общества, которые хотели бы обойтись без участия государства в процессе перераспределения общественно значимых благ. Современные институты перераспределения переключаются с определенными моделями социального равенства. Одни из них воспроизводят меритократию (опционная система), другие сохраняют эгалитарные принципы (ВСБД), третьи внедряют социалистическое распределение активов (*ESOP*). Однако чаще всего редистрибутивные институты носят смешанный характер, сочетая элементы эгалитаризма и меритократии в разных пропорциях (практики разных типов государства благосостояния). При том, что такая классификация несколько условна, она показывает специфику ответов общества на вызовы, исходящие от процессов социального расслоения. Многообразие редистрибутивных институтов отражает разную степень эффективности борьбы с

¹ Рейтинг богатейших IT-бизнесменов мира по версии Forbes. — *Basetop*. 2015. Доступ: <http://basetop.ru/rejting-bogateyshih-it-biznesmenov-mira-po-versii-forbes/2015> (проверено 13.09.2016).

² *ESOP* (Employee Stock Ownership Plan) Facts. — *National Center for Employee Ownership*. 2017. URL: <http://www.esop.org> (accessed 05. 05. 2017).

социальным неравенством, поражение в которой заставит общество заплатить высокую цену.

Западный опыт стратегий перераспределения может быть полезен и поучителен для современной России, где проблемы социального неравенства требуют безотлагательного решения.

Список литературы

Белл Д. 1999. *Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования* (пред., пер с англ. В.Л. Иноземцева). М.: Academia. 949 с.

Григорьев Л.М., Салмина А.А. 2013. «Структура» социального неравенства современного мира: проблемы измерения. – *Социологический журнал*. № 3. С. 5-21.

Кивинен М. 2004. Средний класс в современной России. – *Мир России*. Т. XIII. № 4. С. 143-170.

Кренева Н. А. 2006. Механизм формирования и реализации опционов в мотивационной системе организации. – *Российский экономический интернет-журнал*. Доступ: <http://www.e-rej.ru/Articles/2006/kreueva.pdf> (проверено 13.09.2011).

Нуреев Р.М. 2009. Человеческий капитал и его развитие в современной России. – *Общественные науки и современность*. № 4. С. 5-20.

Поланьи К. 2002. *Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени* (пер. с англ. А.А. Васильева, С.Е. Федорова, А.П. Шурбелева, под общ. ред. С.Е. Федорова). СПб: Алетейя. 320 с.

Рынок труда: реакция на кризис (по материалам зарубежных стран) (под ред. Ф.Э. Бурджалова, Е.Ш. Гонтмахера). 2011. М.: ИМЭМО РАН. 185 с.

Шкаратан О.И. 2015. Социальная система, обращенная в прошлое (часть 2). – *Социологический журнал*. № 4. С. 80-119.

Уилан К.Т., Мэтр Б. 2011. Тип государства благосостояния и различия социальных классов по уровню бедности и экономической уязвимости в Европе. – *SPERO*. № 15. С. 193-216.

Huntington S.P. 1996. The Goals of Development. – *Comparing Nations and Cultures. Readings in a Cross-Disciplinary Perspective* (ed. by A. Inkeles, M. Sasaki). N. J.: Prentice Hall, Englewood Cliffs. P. 470-490.

Korpi W., Palme J. 1998. The Paradox of Redistribution and Strategies of Equality: Welfare Institutions, Inequality and Poverty in Western Countries. – *American Sociological Review*. Vol. 63. No. 5. URL: <http://archives.cerium.ca/IMG/pdf> (accessed 20. 03. 2015).

Standing G. 2011. *The Precariat – The New Dangerous Class*. London: Bloomsbury Academic. 198 p.

ZHVITIASHVILI Anatoliy Shalvovich, Cand.Sci. (Hist.), Leading Researcher of the Department of Social Structure, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences (bld. 5, 24/35 Krzhizhanovskogo St, Moscow, Russia, 117218; zhvitiashvili-a@mail.ru)

THE MODERN REDISTRIBUTIVE INSTITUTIONS: WESTERN EXPERIENCE

Abstract. The article analyzes the modern redistributive institutions in Western countries, both state and non-state. Welfare state represents state redistributive institutions. Various types of welfare state accomplish different strategies of redistribution with different levels of social inequality. Non-state redistributive institutions include Employee Stock Ownership Plan (ESOP),

stock options system and Basic Income Earth Network's project. Western experience of redistributive policy could be useful for modern Russia where problem of social inequality is extremely sharp.

Keywords: social equality, social inequality, state and non-state redistributive institutions

КАСАТКИН Петр Игоревич – кандидат политических наук, доцент кафедры мировых политических процессов Московского государственного института международных отношений (университет) МИД РФ [МГИМО(У) МИД РФ] (119454, Россия, г. Москва, пр-кт Вернадского, 76; pkas@mail.ru)

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КУЛЬТУРЫ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. В статье на основе анализа основных концепций глобализации культуры (культурной глобализации) делается попытка рассмотреть позитивные и негативные процессы глобального культурного мирового развития, а также возможности создания глобальной мировой культуры в принципе. Автор приходит к выводу, что существующие на сегодняшний день теории глобализации культуры носят ярко выраженный идеологический характер. Если глобалисты уверены в неизбежности данного процесса и видят его как единственно возможный позитивный вариант развития человеческой истории, то умеренные и скептически настроенные авторы указывают на то, что глобализация культуры невозможна, в первую очередь по причине возникновения феномена локализации (глокализации), связанного с отторжением западной глобалистской модернизации – как экономической, так и культурной.

Ключевые слова: глобализация, глобализация культуры, локализация, глокализация, культура, ценности

Процесс глобализации в последние десятилетия затронул самые разные сферы человеческого бытия. Безусловно, сегодня мы можем говорить не только об экономической глобализации, но и глобализации культурной, которая имеет свои особенности и динамику. Следует отметить, что глобальное культурное развитие «имеет ярко выраженную тенденцию к унификации локальных сообществ, что проявляется в распространении общих ценностей, норм, стандартов, идеалов, отчасти имеющих универсальный характер» [Храпаль, Камалева 2012: 203].

Культурная глобализация, как и многие другие явления, оказывает как положительное, так и отрицательное воздействие на все сферы общественной жизни. Так, в процессе глобализации развитые и развивающиеся общества обогащаются в различных сферах жизнедеятельности (в экономической, в сфере торговли и промышленности), но, с другой стороны, они зачастую теряют элементы своей национальной культуры, свою уникальность, чувство независимости и самостоятельности [Шахин 2016: 14].

Вместе с тем А. Гревцева отмечает, что феномен культурной глобализации на сегодняшний день остается не до конца раскрытым, что ведет к возникновению новых теорий этого явления. При этом все они, по мнению указанного автора, имеют общие черты. Среди них выделяют признание важности формирования общего культурно-информационного пространства с целью регулирования возникающих в мире конфликтов и споров; неизбежное формирование единого культурного пространства для выработки норм, принципов и общих ценностей современного мира; возникновение «общего поля глобальной культуры (культурная глобализация)» [Гревцева 2008].

На наш взгляд, выделенные А. Гревцевой общие черты в современных теориях культурной глобализации не вполне очевидны и доказуемы. Нашей задачей будет рассмотрение основных теорий культурной глобализации (именно культурной, а